

УДК 81'342, 81'23

СИНТАГМА И СЕГМЕНТАЦИЯ УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ¹

Ольга Васильевна Раева

инженер Службы сопровождения образовательных программ по направлениям востоковедение, журналистика, искусства и филология

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9. olgaspace@rambler.ru

Елена Игоревна Риехакайнен

к. филол. н., старший преподаватель кафедры общего языкознания

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11 e.riehakajnen@spbu.ru

В статье представлен аналитический обзор русскоязычных работ, посвященных понятию «синтагма», а также зарубежных исследований, в которых речевые фрагменты рассматриваются с точки зрения их семантического и интонационного единства. Встречающиеся в русскоязычной литературе определения термина «синтагма» носят абстрактный характер, отсутствуют универсальные критерии выделения синтагмы в речи; в устной неподготовленной речи смысловые единства могут не совпадать с единствами интонационными, что противоречит сути понятия «синтагма». Проведенный анализ указывает на невозможность использования данного термина при описании процесса распознавания естественной звучащей речи, поскольку синтагма в ее традиционном понимании не может быть названа единицей речевой сегментации. Для описания наблюдаемого в спонтанной речи несоответствия объема единиц программирования и единиц акустической реализации наиболее удачным на данный момент представляется оперирование терминами «элементарная дискурсивная единица» и «межпаузальный интервал».

Ключевые слова: синтагма; интонационное единство; минимальная дискурсивная единица; спонтанная речь; восприятие речи.

В ходе исследования алгоритмов восприятия устной неподготовленной речи неизбежными оказываются вопросы о том, какими порциями (единицами) говорящий программирует речевые фрагменты, какими порциями они реализуются, а также о том, с речевыми единицами какого объема работает слушающий.

До недавнего времени такой единицей считалась **синтагма**.

В работе Ф. де Соссюра синтагмой называется сочетание слов, которые, «соединяясь друг с другом, вступают между собою в отношения, основанные на линейном характере языка, исключая возможность произнесения двух элементов одновременно» [Соссюр 1999 (1916): 123]. Данное определение очевидным образом не предполагает никаких ограничений на количе-

ство вступающих в такие отношения слов; синтагма может быть сколь угодно длинной, и, соответственно, одна синтагма может содержать несколько (теоретически – неограниченное количество) тех самых единиц порождения высказывания.

С точки зрения А. А. Реформатского, синтагма представляет собой «сочетание двух членов, связанных тем или иным отношением с неравноправной направленностью членов, где один член является определяемым, а другой – определяющим» [Реформатский 1996 (1967): 173]. Членами таких сочетаний могут выступать не только слова и «словосочетания, выступающие как один член» (например, *белый хлеб* или *работает сунтя рукава*), но и морфемы, а также их комбинации (например, *водо-воз, дом-ик*) [там же]. В

этом случае, с одной стороны, одним термином («синтагма») называются элементы (явления), не сопоставимые грамматически и семантически, а с другой – одна единица порождения речевого высказывания может содержать несколько подобных синтагм.

Отметим, что оба упомянутых выше определения, по нашему убеждению, являются следствием анализа письменных текстов, структуры их единиц и отношений между ними, однако едва ли соотносимы с описанием процессов порождения и восприятия устной речи.

Применительно к последней, точнее, к процессу ее порождения, термин «синтагма» впервые использовал Л. В. Щерба в работе «Фонетика французского языка» [Щерба 1953 (1937)]. Автор знакомит читателей с таким явлением французской речи, как ритмическая группа – последовательность слов, объединенных единым ударением, которое «ставится на последнем слоге последнего слова» [там же: 83]; такая группа, по мнению автора, выражает «в процессе речи единое смысловое целое» [там же]. Однако в некоторых случаях (например, при инверсии неодносложного определяющего и определяемого слов) смысловое единство, представленное несколькими ритмическими группами, может нарушаться. Тогда ритмические группы объединяются за счет «легкого усиления последнего ритмического ударения» и «выразительной интонации» [там же: 86]. Далее Л. В. Щерба пишет: «...это фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли и могущее состоять как из одной ритмической группы, так и из целого ряда их, я называю **синтагмой**» [там же]. Согласно всему сказанному выше синтагма представляет собой набор ритмических групп с модифицированным ударением на каждой непоследней группе. Л. В. Щерба указывает и на то, что в разговорной речи несколько ритмических групп, «выражающих единое смысловое целое», могут объединяться в одну, сохраняя ударение на гласном последнего слова конечной группы [там же: 86–87]. Следовательно, «щербовская» синтагма может состоять из нескольких ритмических групп только в условиях отчетливого речепорождения; в ситуации же спонтанного говорения границы между ритмическими группами внутри синтагмы стираются и последняя становится эквивалентна одной ритмической группе, выражающей единое смысловое целое, с ударением на конечном слоге последнего слова. Таким образом, в рамках описания естественной неподготовленной речи понятие «синтагма», дублирующее понятие «ритмическая группа», в качестве термина становится излишним.

Несмотря на это, данный термин активно используется авторами отечественных работ, применяющими его при изучении «интонационно-смысловых единств» [Буланин 1970: 169]. Однако необходимо сразу отметить, что большинство исследований, в которых встречается термин «синтагма», было проведено на материале прочитанных вслух текстов (например: [Светозарова 1982] и др.). Это значит, что порождение речи говорящим в данном случае ограничивалось перекодированием буквенного описания в последовательность артикуляторных команд и порождением акустического сигнала. Смысловое и синтаксическое единство задавалось читаемым текстом, а не высшими уровнями когнитивной системы носителя языка, которые с необходимостью включаются в процесс речепорождения в ситуации естественного речевого общения.

Более того, неопределенными оказываются сами принципы выделения синтагм. Л. Л. Буланин называет синтагмой «интонационно-смыслов[ое] единств[о], возникающ[ее] в процессе речи и являющ[ееся] составн[ой] част[ью] фраз или отдельн[ой] фраз[ой]» [Буланин 1970: 169]. Термин «фраза» автором не разъясняется; из текста становится понятным лишь то, что эта единица по своей структуре оказывается сложнее синтагмы, т.е. иерархически находится выше, что вполне соответствует определению, данному Л. В. Щербой: фраза – «законченное целое, которое может состоять из группы синтагм, но может состоять и из одной синтагмы, и которое нормально характеризуется конечным понижением тона» [Щерба 1953 (1937): 87].

Л. Л. Буланин отмечает, что «отрезки», на которые делится речевой поток, – «это осмысленное сочетание слов», образующих «определенные синтаксические конструкции: группу подлежащего, группу сказуемого», «границы между такими отрезками обозначаются паузами» [Буланин 1970: 169]. Таким образом, синтагма в указанной работе представлена в качестве межпаузального интервала, однако необходимо учесть авторское примечание о том, что «за основу взято не естественное свободное говорение, а чтение написанного текста или отдельных фраз» [там же: 171]. Несмотря на то что Л. Л. Буланин понимает разницу между живой разговорной речью и прочитанной, представленные им результаты анализа последней не могут использоваться при описании особенностей спонтанного речевого потока без дополнительного исследования.

В работе М. В. Гординой синтагма определяется как «минималн[ая], основн[ая] интонационн[ая] единиц[а], т.е. так[ая] часть предложения (или шире – потока речи), которая содержит ос-

новные интонационные характеристики» [Гордина 1973: 159]. Далее следует дополнение: «синтагма – это цепочка слов, связанная единым интонационным рисунком» [там же: 159]. Под интонационными характеристиками, значимыми с лингвистической точки зрения, автором подразумеваются следующие суперсегментные признаки: изменение высоты основного тона, т.е. мелодика (или интонационный/мелодический рисунок), темп, паузы. С помощью мелодического рисунка, по мнению М. В. Гординой, выражается фонетическое единство синтагмы; показателем смены одного мелодического рисунка другим названы «своеобразные мелодические изменения» [там же], суть которых в работе не раскрывается. Роль темповых особенностей в процессе сегментации речевого потока описана кратко: «конец ее (синтагмы. – О. Р., Е. Р.) характеризуется некоторым замедлением (т.е. увеличением длительности звуков)» [там же]. Паузы, как отмечает автор, возможны между двумя синтагмами, однако они нередко отсутствуют в месте синтагматической границы и, таким образом, не являются ее «основным показателем» [там же: 159].

М. В. Гордина указывает на то, что принципы сегментации речи «лежат за пределами фонетики» и основываются на смысловых отношениях [там же: 160]. С точки зрения автора, членение речевого потока осуществляется говорящим согласно тем смысловым нюансам, которые субъекту речи необходимо выразить в своем высказывании. Тем не менее в работе не указывается, каким образом говорящий маркирует осуществленное им смысловое членение, которое должно быть выявлено и распознано слушающим на этапе восприятия того или иного речевого фрагмента.

В целом, в отечественной лингвистической литературе с точки зрения формы синтагма описывается достаточно расплывчатыми терминами: «интонационно оформленный отрезок речи» [Буланин 1970: 171], отрезок речи, имеющий «специфическое интонационное оформление» [Бондарко 1977: 161] и т.п. Такие определения не помогают прояснению вопроса о том, где завершается синтагма, что было бы важно для слушающего, если при восприятии речи он работает с единицами именно такого «размера».

Отметим, что и в работе Л. В. Щербы указывается на то, что «после синтагмы пауза и вдох возможны, но вовсе не обязательны» [Щерба 1953 (1937): 86]. Если предположить, что слушающий оперирует при восприятии теми же фрагментами речи, что и говорящий в процессе программирования своего высказывания (т.е. единицами, выражающими единое смысловое

целое), то синтагмы, следующие друг за другом, должны каким-то образом разграничиваться субъектом речевосприятия. Пауза и вдох не всегда могут выступать маркерами конца одной и начала следующей синтагмы, так как их может и не быть. Во французской разговорной речи конец синтагмы, вероятно, определяется с помощью ритмического ударения, указывающего на то, что после ударного слога будет проходить синтагматическая граница. Но это предположение справедливо только для французского языка. Применительно к русскому языку во многих исследованиях [Ударение... 1973: 61–62; Бондарко 1977: 160–161; Бондаренко 1978: 43–44; Касевич и др. 1990: 102–107; Вольская, Степанова 2005: 19–20 и др.] речь ведется о синтагматическом ударении, реализующемся на ударном гласном последнего слова, которое и является конечным элементом синтагмы. Однако есть данные, что синтагматическое ударение не всегда приходится на последнее слово [Качковская 2015: 55], что не позволяет придать этому признаку статус пограничного маркера. К тому же синтагматическое ударение реализуется на ударном слоге (гласном), и, следовательно, оно может указывать на последний ударный слог в синтагме, но не может быть маркером ее конца.

Показателем границы некоторые исследователи называют также резкое «изменение линии деклинации», отмечая, что «о начале нового речевого отрезка свидетельствуют различия в тональном уровне первого ударного слога в сопоставляемых синтагмах» [Вольская и др. 2005: 23]. Авторы не комментируют данное утверждение, оставляя неясным, начальный ударный слог какой синтагмы – первой, второй или обеих – имеется в виду, а также то, с чем этот слог необходимо сравнивать для выявления «различия в тональном уровне». Кроме того, авторы указанной статьи, обращаясь к термину «синтагма», отмечают: «Для нас синтагма – это минимальная, основная интонационная единица» – и далее в качестве дополнения к определению цитируют работы [Гордина 1973: 159; Ударение... 1973: 61–62]. Однако в первоисточниках приведенные фрагменты представлены в следующих контекстах:

«с внешней формально-фонетической стороны (выделение наше. – О. Р., Е. Р.) синтагма – это цепочка слов, связанная единым интонационным рисунком; членение потока речи на синтагмы достигается, с одной стороны, интонационным объединением внутри синтагмы, с другой – особым интонационным оформлением границы синтагмы», а также

«синтагма с фонетической точки зрения (выделение наше. – О. Р., Е. Р.) может быть

определена как отрезок потока речи, заключенный между двумя паузами и характеризующийся усилением ударения на ударном слоге наиболее важного по смыслу слова (т.е. синтагматическим ударением) и объединяющей мелодикой» [Ударение... 1973: 61–62].

С одной стороны, из этого следует, что в работе [Вольская и др. 2005] синтагма рассматривается только как формальная единица, являющаяся результатом сегментации потока речи с опорой на акустические параметры речевого сигнала без обращения к семантическому аспекту. Однако сугубо формальный (фонетический) подход к членению речи является необоснованным и, с точки зрения слушающего, бессмысленным; кроме того, игнорирование смыслового компонента противоречит позиции Л. В. Щербы, в работах которого значимость «единого смыслового целого» [Щерба 1953 (1937): 83; см. также: Гордина 1973; Бондарко 1977 и др.] очевидна.

С другой стороны, обращение к определению, представленному в [Ударение... 1973: 61–62], указывает на то, что Н. Б. Вольская и С. Б. Степанова понимают синтагму как межпаузальный интервал, однако в рамках своего исследования делают попытку найти синтагматическую границу там, где паузы нет: «отсутствие паузы не мешает членить отрезок звучащей речи на фразы, а фразы – на синтагмы» [Вольская, Степанова 2005: 18]. В качестве примера авторы приводят следующий речевой фрагмент:

(1) «77 Да. / У меня были куча разных животных в детстве // 78 У меня были хомяки / (пауза 198мс) потом у меня был кролик / (пауза 570мс) собака / черепахи. /²» [Вольская, Степанова 2005: 18].

В целом, рассмотренные исследования подтверждают отсутствие четко сформулированного определения термина «синтагма», что исключает единство в толковании данного явления. Неочевидными применительно к русской спонтанной речи оказываются также критерии проведения границ и объем синтагмы. В связи с этим синтагму нельзя считать единицей речеобразования.

Необходимо обратить внимание на терминологическое многообразие, которое наблюдается в зарубежной литературе: исследователи используют различные термины для обозначения речевых фрагментов, которые характеризуются семантико-интонационным единством.

Основная интонационная единица, объединяющая слова и подобные им элементы речи, в [Levelt 1989] названа **интонационной фразой**. Эта единица считается первичной при анализе значения, и именно на ней реализуется выбранный говорящим мелодический контур

[Pierrehumbert, Hirschberg 1990: 271]. У. Чейф также обращается к интонационной единице, интерпретируя ее как «выражение информации в активном сознании» («the expression of information in active consciousness») [Chafe 1994: 6]. Х. Кларк и Дж. Три, в свою очередь, определяют такую единицу как отрезок речи, объединенный общим интонационным контуром [Clark, Tree 2002: 93].

М. Сэлтинг в [Selting 1996, Selting 2000] рассматривает смену реплик в диалоге или полилоге и предпринимает попытку объяснить, каким образом слушающий определяет, что реплика говорящего завершена, для того, чтобы начать свое высказывание. С этой целью в его работах анализируются **минимальные составляющие реплики**, т.е. единицы, образованные с помощью синтаксических и просодических средств в рамках семантического и прагматического контекста [Selting 2000: 477].

В [Degand, Simon 2005] на материале французского языка выделяется два вида единиц в рамках дискурса: понятийные, соответствующие понятийному содержанию дискурса, индивидуализированному в форме идей, и стратегические, зависящие от ситуации дискурса и конструирующие шаги, с помощью которых планируются «идеи», выражаемые говорящим/пишущим. Эти идеи реализованы в форме интонационных или пунктуационных единиц и названы **минимальными дискурсивными единицами**.

В более раннем исследовании [Carlson et al. 2001] для описания элементарного речевого фрагмента, который может быть выделен в рамках речевого взаимодействия, используется термин «**элементарная дискурсивная единица**».

Именно этот термин (возможно, стремясь избежать описанной выше неопределенности термина «синтагма») используют авторы русскоязычной работы [Рассказы... 2009], в которой представлен анализ записей спонтанных устных монологов. Выделение таких единиц опирается в том числе и на четкие смысловые критерии (ЭДЕ описывает одно событие или состояние и синтаксически представлено одной предикацией, или клаузой) [там же: 57]. При этом авторы указывают на несистемное членение паузами того речевого материала, на котором проводилось исследование: «во-первых, ЭДЕ нередко следуют друг за другом без паузы, а во-вторых, паузы встречаются и внутри ЭДЕ» [там же: 59]. Таким образом, если считать единицами программирования клаузы, соответствующие по содержанию одному событию или состоянию и, значит, характеризующиеся смысловой завершенностью, то определение границ таких семантико-синтаксических единиц оказывается невозмож-

ным с опорой лишь на особенности их акустической реализации. Межпаузальный интервал может соответствовать одной клаузе, быть ее частью или объединять несколько клауз, что указывает на несовпадение объема единиц программирования и единиц акустической реализации [Рассказы... 2009: 66].

Допуская тот факт, что субъект речевосприятия также оперирует минимальными смысловыми единствами, отметим, что в случае членения паузами семантико-синтаксического целого слушающему необходимо восстановить нарушенную целостность. В связи с этим целесообразным может оказаться гипотетическое высказывание Л. П. Бондаренко, согласно которому пауза внутри смыслового единства не должна нарушать мелодическую кривую [Бондаренко 1978: 48]. Однако данное предположение нуждается в проверке, для его подтверждения или опровержения требуются результаты специально проведенного исследования.

Подводя итоги, необходимо отметить, что термин «синтагма» описывает явление, для которого характерна семантико-интонационная целостность и которое, возможно, свойственно прочитанным вслух текстам. Однако в связи с тем, что последние могут отличаться по своей структуре от спонтанного монолога [Светозарова 1982: 98, 103–106], понятие «синтагма» не отражает специфики интонационного оформления смысловых единств, реализуемых в устной неподготовленной речи, и, соответственно, синтагма не может быть названа единицей речевой сегментации.

Примечания

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Исследование роли мелодических контуров в сохранении целостности "расчлененных" дискурсивных единиц спонтанной речи», поддержанного грантом РФФИ №13-06-00374.

² Фразовые границы отмечены символом «//», синтагматические – символом «/».

Список литературы

Бондаренко Л. П. Членение спонтанной речи паузами колебания и его соотносительность с синтагматическим членением (экспериментально-фонетическое исследование на материале американского варианта английского языка): дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1978. 217 с.

Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка: учеб. пособие для студ. пед. интов по специальности «Рус. яз. и литература». М.: Просвещение, 1977. 175 с.

Буланин Л. Л. Фонетика современного русского языка. М.: Высш. шк., 1970. 206 с.

Вольская Н. Б., Степанова С. Б. О некоторых проблемах синтагматического членения спонтанного текста // XXXIV Международная филологическая конференция. СПб., 2005. Вып. 10. С. 16–24.

Гордина М. В. Фонетика французского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. 208 с.

Касевич В. Б., Шабельникова Е. М., Рыбин В. В. Ударение и тон в языке и речевой деятельности. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 246 с.

Качковская Т. В. Взаимодействие сегментных и просодических факторов, влияющих на степень и локализацию предпаузального удлинения в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2015. 175 с.

Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А. А. Кибрика и В. И. Подлеской. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.

Реформатский А. А. Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996 (1967). 536 с.

Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 176 с.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. с фр. А. М. Сухотина; под ред. Ш. Балли и А. Сеше. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999 (1916). 285 с.

Ударение и интонация в немецком языке: пособие для студентов педагогических институтов / под ред. М. Г. Кравченко и др. Л.: Просвещение, 1973. 288 с.

Щерба Л. В. Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским: пособие для студентов факультетов иностранных языков. М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1953 (1937). 257 с.

Carlson L., Marcu D., Okurowski M. E. Building a discourse-tagged corpus in the framework of rhetorical structure theory // Current directions in discourse and dialogue / ed. by J. van Kuppevelt, R. Smith. New York: Kluwer Academic Publishers, 2001. P. 85–112.

Chafe W. L. Discourse, consciousness, and time: the flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago: The University of Chicago Press, 1994. 340 p.

Clark H. H., Tree J. E. F. Using *uh* and *um* in spontaneous speaking // Cognition. 2002. Vol. 84. P. 75–111.

Degand L., Simon A. C. Minimal discourse units: Can we define them, and why should we? // Proceedings of SEM-05. Connectors, Discourse Framing and Discourse Structure: From Corpus-Based and Experimental Analyses to Discourse Theories / ed. by M. Aurnague et al. Biarritz, 2005. P. 65–74. URL: <https://www.uclouvain.be/cps/ucl/doc/valibel/>

documents/degand_simon_sem05_final.pdf (дата обращения: 01.06.2015).

Levelt W. J. M. Speaking: from intention to articulation. Cambridge: The MIT Press, 1989. 566 p.

Pierrehumbert J. B., Hirschberg J. The meaning of intonation contours in the interpretation of discourse // Intentions in Communication / ed. by P. R. Cohen, J. Morgan, M. E. Pollak. Cambridge: The MIT Press, 1990. P. 271–311.

Selting M. On the interplay of syntax and prosody in the constitution of turn-constructive units and turns in conversation // Pragmatics. 1996. Vol. 6.3. P. 357–388.

Selting M. The construction of units in conversational talk // Language in Society. 2000. Vol. 29. P. 477–517.

References

Bondarenko L. P. Chlenenie spontannoj rechi pazuzami kolebanija i jego sootnesjonnost' s sintagmatischeskim chlenenijem (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale amerikanskogo varianta anglijskogo jazyka). Diss. kand. fil. nauk [Segmentation of spontaneous speech by hesitation pauses and its connection to syntagmatic segmentation (an experimental phonetic research on American English). Cand. philol. sci. diss.]. Leningrad, 1978. 217 p.

Bondarko L. V. Zvukovoj stroj sovremennogo russkogo jazyka: uchebnoe posobie dlja studentov ped. institutov po spetsial'nost'i "Rus. jaz. i literatura" [The sound system of modern Russian: a textbook for students of pedagogical higher educational institutions specialized in the Russian language and literature]. Moscow: Prosveshhenie, 1977. 175 p.

Bulanin L. L. Fonetika sovremennogo russkogo jazyka [Phonetics of modern Russian]. Moscow: Vysshaja shkola, 1970. 206 p.

Carlson L., Marcu D., Okurowski M. E. Building a discourse-tagged corpus in the framework of rhetorical structure theory // Current directions in discourse and dialogue. Ed. by J. van Kuppevelt, R. Smith. New York: Kluwer Academic Publishers, 2001. P. 85–112.

Chafe W. L. Discourse, consciousness, and time: the flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago: The University of Chicago Press, 1994. 340 p.

Clark H. H., Tree J. E. F. Using *uh* and *um* in spontaneous speaking. Cognition. 2002. Vol. 84. P. 75–111.

Degand L., Simon A. C. Minimal discourse units: Can we define them, and why should we? // Proceedings of SEM-05. Connectors, Discourse Framing and Discourse Structure: From Corpus-Based and Experimental Analyses to Discourse Theories. Ed. by M. Aurnague et al. Biarritz, 2005. P. 65–74.

Available at: https://www.uclouvain.be/cps/ucl/doc/valibel/documents/degand_simon_sem05_final.pdf (accessed 01.06.2015).

Gordina M. V. Fonetika frantsuzskogo jazyka [Phonetics of French]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1973. 208 p.

Kachkovskaja T. V. Vzaimodejstvie segmentnykh i prosodicheskikh faktorov, vlijajushhikh na stepen' i lokalizatsiju predpauzal'nogo udlinenija v russkom jazyke. Diss. kand. fil. nauk [Interaction of segment and prosodic factors influencing the extent and localization of phrase-final lengthening in Russian. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2015. 175 p.

Kasevich V. B., Shabel'nikova E. M., Rybin V. V. Udarenie i ton v jazyke i rechevoj dejatel'nosti [Stress and tone in language and speech]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1990. 246 p.

Levelt W. J. M. Speaking: from intention to articulation. Cambridge: The MIT Press, 1989. 566 p.

Pierrehumbert J. B., Hirschberg J. The meaning of intonation contours in the interpretation of discourse. In: Intentions in Communication. Ed. by P. R. Cohen, J. Morgan, M. E. Pollak. Cambridge: The MIT Press, 1990. P. 271–311.

Rasskazy o snovidenijakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa [Stories about dreams: corpus study of oral Russian discourse] / ed. by A. A. Kibrik, V. I. Podlesskaja. Moscow: Jazyki slavjanskikh kul'tur Publ., 2009. 736 p.

Reformatskij A. A. Vvedenie v jazykovedenie [Introduction to linguistics] / ed. by V. A. Vinogradov. Moscow: Aspekt Press Publ., 1996 (1967). 536 p.

Saussure F. de Kurs obshhej lingvistiki [Course in general linguistics] / transl. by A. M. Sukhotin; ed. by Ch. Bally, A. Seshe. Ekaterinburg: Ural University Publ., 1999 (1916). 285 p.

Shherba L. V. Fonetika frantsuzskogo jazyka. Ocherk frantsuzskogo jazyka v sravnenii s russkim [Phonetics of French. An essay on the French language in comparison to Russian]. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh jazykakh Publ., 1953 (1937). 257 p.

Selting M. On the interplay of syntax and prosody in the constitution of turn-constructive units and turns in conversation. Pragmatics. 1996. Vol. 6.3. P. 357–388.

Selting M. The construction of units in conversational talk. Language in Society. 2000. Vol. 29. P. 477–517.

Svetozarova N. D. Intonatsionnaja sistema russkogo jazyka [The intonation system of Russian]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1982. 176 p.

Udarenie i intonatsija v nemetskom jazyke: posobie dlja studentov pedagogicheskikh institutov [Stress and intonation in German: a textbook for students of pedagogical higher educational institu-

tions] / ed. by M. G. Kravchenko et al. Leningrad: Prosveshhenie, 1873. 286 p.

Vol'skaja N. B., Stepanova S. B. О некоторых проблемах синтагматического членения спонтанного текста [On some problems of syntagmatic

segmentation of spontaneous text]. XXXIV Mezhdunarodnaja filologičeskaja konferentsija [The XXXIVth international philological conference]. St. Petersburg, 2005. P. 16–24.

SYNTAGMA AND SEGMENTATION OF SPONTANEOUS SPEECH

Olga V. Raeva

Engineer

Saint Petersburg State University

Elena I. Riekhakaynen

Senior Lecturer in the Department of General Linguistics

Saint Petersburg State University

The article presents a review of Russian linguistic papers on syntagma and foreign papers that focus on semantic and prosodic segmentation of speech. The definitions of the term «syntagma» given in numerous Russian-language researches turn out to be vague; there are no common and universally applicable criteria for dividing a speech signal into syntagmas; the fact that syntactic and prosodic units do not necessarily coincide in spontaneous speech contradicts the very idea of syntagma. According to the research results presented in the paper, the term «syntagma» cannot be used for the description of the process of spoken word recognition, as syntagma in its traditional for Russian linguistics interpretation cannot be considered a unit of speech segmentation. For the moment, the terms «elementary discourse unit» and «interpausal interval», if used together, seem to be the most convenient ones for showing the mismatch between the units of speech production and acoustic realization.

Key words: syntagma; intonation unit; minimal discourse unit; spontaneous speech; spoken word recognition.